

Однажды к одному монаху подошел незнакомец лет двадцати и спросил: "А что для вас есть Истина?" Задумался инок... "Брат, — наконец прервал он свое молчание, — Христос всем, а, значит, и тебе, и мне сказал: — *Я есть Истина*. "Опять никак вы не можете без цитат?" — последовала негодушая реплика молодого человека, явно желающего услышать что-нибудь "поновее и поинтереснее". Монах замолчал и молчит уже много лет, словно молчанием Христа...

Молчание Христа. Оно ясно и гласно, как и все Его слова. Оно — Его заповедь. Заповедь не человеческого молчаливого неведения, а священного бессловного свидетельства подготовки к ответу. Господь умолк пред лицом Пилата, вопрошавшего Его теми же словами, что и наш герой. Но Господь ответил через несколько часов так, что потряслась вся земля, и печаль ада не удержала радости Воскресения. Иисус замкнул уста в царских палатах, чтобы отверзть их на Кресте. Так Господь благословил единственный путь проповеди об Истине. Это — Крест. Только со Креста может звучать живое слово о Христе-Истине. Со Креста очищения ума, сердца, слова. Вопрос Пилата — это последний вопрос, заданный Христу. Последний, потому что он — предел апорий человека, лишившего себя "Бога истины". Господь разрешил этот вопрос, посрамив мудрость мира сего. Мы всякий раз вспоминаем об этом, когда исповедуем нашу веру во Христа, "распятого при Понтийском Пилате". Символ веры указывает здесь историческую реальность Боговоплощения. Однако перед нами не просто "историческая справка". Мы исповедуем Христа, распятого **при**, то есть **среди**, а, значит, и **за** искавший Правду мир, **за** вопрошающих "что есть Истина?" Наша вера — вера в Распятую Истину. Только Она смогла просветить мрак человеческого бытия вечным Светом Воскресения. Она-то и является началом и основанием всякого истинного слова о Боге — богословия. *Я рассудил не знать ничего, кроме Христа Распятого*, писал столп Апостольского Богословия Павел. Раз в Распятом Христе мы видим Истинного Бога, то и дорога к позна-

Бог — Слово и богослов

Ровеснику, ищущему Истину.

нию Его должна быть только одна — та, по которой Он шел и вел за Собой Человека. Окинем взором распростершуюся перед нами даль. На горизонте виднеется образ Креста. Горизонт — место встречи сияваемого Солнцем Неба с темной стихией земли. Крест — указатель, Он — критерий познания Бога. Богословие есть, поэтому, крестный подвиг. Богословие — это самораспятие. Богословы — те, которые *распяли плоть со страстями и похотями* (Гал. 5, 24). Только в таком контексте можно понять, что разумели под богословием Отцы Церкви.

В Новом Завете нам ясным образом открыта тайна Троицеобразного Бога. Святой Иоанн Богослов, созерцая ее, называл второе Божественное Лицо — Сына Божия — *Словом у Бога* (Ин. 1, 1). Только христианам показывается та истина, что существует не только Бог, но и единосущное Ему Слово.¹ Только в христианстве богословие в высшем своем проявлении является, если можно так выразиться, образом внутри-Троичной Жизни. Бог Отец — Первый Богослов. Для Отца Бога — Слово означает рождение Сына. У Отца Одно Слово — Бог Слово. Таким образом, во Святой Троице Богословие находит, с одной стороны, свой предел и завершение, а, с другой — свое наивысшее обоснование. "Предел Православия, — говорит преподобный Григорий Синаит, — есть чистое ведение Троицы".² Богословие здесь, на земле является прежде всего ведением, своего рода "слышанием" Слова Божия, рождающегося от Ума Отца.³ Богословие означает, следовательно, приобщение к Слово Отца — Сыну Божию.⁴ Богословие есть, стало быть, то обожение, о котором так часто говорят Отцы.

"Сына Божия не знает никто, кроме Отца и тех, кому Он хочет открыть",⁵ — перефразирует Евангелие

блаженный Диодок Фотикийский. Само Слово должно явить Себя. Оно приходит на землю действием третьего Лица Пресвятой Троицы — Святого Духа, войдя в мир через Богородицу, или, как гласит, Символ веры, "воплотившись от Духа Свята и Марии Девы". Этим намечается путь приобщения к Сыну: стяжание Святого Духа, воссоздающего нас по подобию Христа, благодаря чему мы и становимся "единого рода с Божией Матерью", по выражению преподобного Симеона Нового Богослова.

Слово плоть бысть. Это величайшее событие является центральным в жизни Вселенной. Это в первую очередь осознает богослов. Ведь отныне человек, облеченный плотью, может быть богом, быть со Словом, быть бого-словом. Он получает возможность "слышать" Слово, возможность иметь "ум Христов", говоря словами апостола Павла.

Сын Божий говорит. *Все, что Я слышал от Отца Я сказал вам.* Но возможно ли ограниченными человеческими словами выразить все, слышанное Самим Единородным Отцом? В некоторой степени, да. Но смотря кому и как сообщается Божественное слово. Соединяясь с Богом, погружаясь в Слово Божие, человек все более "слышит" об Отце, хотя слов становится все меньше, доколе не останется Одно Единственное Слово. Этот момент именуется *экстазис* то есть буквально из-ступление, выступление из области человеческих слов, при котором Слово Бога познается полнотой ведения об Отце. Начинается "слышание" "всего сказанного об Отце". Этому "слышанию" нет предела.⁶ Мы даже представить себе не можем, до каких степеней ведения Отца достигали "чистотою возвышаемые", часто вовсе не ведомые миру Святые в их стяжании ума, а, значит и "слуха" Христова.

Святые все глубже и глубже постигают неисчерпаемую Тайну Благой Вести Сына и имя о спасении рода человеческого. Последняя точка четвертого Евангелия — это совсем не точка Евангелия Божия, которое отнюдь не кончается Вознесением Христа. Не случайно Господь, говорится, не ска-

зал вам все, потому что ныне не можете вместить.

Христос не просто провозгласил Себя Истиной, но сразу же добавил: *Я есть Путь, Истина и Жизнь*. Так Господь дал понять, что к Истине сначала нужно прийти (по Пути), а потом ее осуществить (в Жизни). У Отцов Церкви начиная с ранней эпохи христианства замечается одна характерная черта в отношении к богословствованию: к нему нужно “созреть”, а потом по нему жить. Богословствование — это особый способ существования в этом мире. Оно не просто действие ума и языка, а гармоничная активность всего человека, открытого Богу и Божественной Истине, собравшегося в своем “trivium cordium”.⁷ Особенно прилежно оградил Синайскую гору богословия⁸ святитель Григорий Богослов. Богословствование только для тех, которые “очистили или, по крайней мере очищают душу и тело”,⁹ — предупреждает он “пресмыкающихся по земле”.¹⁰ “Хорошо говорить о Боге, но лучше очищать себя для Бога”, советует святой тем, которые, не умертвив “уды, яже на земли” (Кол. 3, 5) безумно устремляются к высшим созерцаниям.¹¹ “Если хочешь стать богословом, соблюдай заповеди, и они сделаются для тебя ступенями, ведущими к созерцанию,” — увещевает Богослов, предлагая единственно возможный способ стать богословом. Вообще, Григорий Богослов может быть назван примером трезвости в богословствовании, твердого знания, “когда, перед кем и сколько” сказать.¹² Храм богословия строжайшим образом оберегался в древней Церкви через строгое последовательное и постепенное усвоение христианских истин умом, сердцем и жизнью в практике оглашения.¹³

Богословие, говоря и уча о Боге, обладая чистым ведением Бога, имеет одну единственную цель — исходя из правильного понятия о Боге, дать правильное понятие о средствах, позволяющих достигнуть цели человеческой жизни — обретения единства с Источником и Смыслом жизни — Истинным Богом. Все, что находится за пределами указанной цели, является

по существу проявлением той страсти, которая именуется “любопытством” и против которой мы молимся Святому Духу на вечернем правиле: “Господи, прости вся, яже от науки злы”. Богословие как слово о пути к Богу занимается постижением Предания тех, кто опытно усвоил и прошел этот путь, кто получил от Бога особый дар богословия, дар ведения Бога и истинного отношения к Нему, дар умного просвещения. Этот основополагающий принцип, соединяющий чистоту души, созерцание и Божественное просвещение со способностью православно учить о Боге и спасении,¹⁴ ясно выражается в следующих словах Святого Диалога: “Духовное слово (...) действием любви исходит от Бога (...) Хорошо всегда с верой ожидать действующего просвещения для того, чтобы говорить (о Боге), ибо ничего нет скуднее ума, когда он без Бога берется философствовать о Божественном”.¹⁵ Как знание Бога, так и слово о Нем — дары Всеблагого Бога.¹⁶ “Одного Святого Духа дары, мудрость и ведение”,¹⁷ причем “ведение обычно просвещает действием (внутренним — свт. Феофан¹⁸), а (мудрость) — словом”.¹⁹ Более того, богословие величайший из даров Божиих.²⁰ Что может быть выше чистого ведения о Творце и проистекающего из него истинного единения, подлинной связи с Ним. “Все дары нашего Бога весьма прекрасны, но ни один из них так не воспламеняет и не подвигает сердца на любовь к Его Благодати, как богословие”,²¹ — пишет блаженный Диодок.

Слово о Боге как харизма Духа постепенно забывалось на Западе. Происходит то, о чем говорил Григорий Назианзин, имея в виду восточных “пред-схоластиков” (!) IV века: “Оставив все пути благочестия, они думают об одном — задать или решить какой-нибудь вопрос”.²²

Хотя Ансельм Кентерберийский на страницах своих сочинений²³ еще молится о просвещении свыше, он, однако, начинает пренебрегать главной и единственной целью всякого просвещения, которой является преображение ума и спасение всего человека. Молитва о просвещении среди чисто рационалистических “расследований”

напоминает скорее мольбу не о просвещении свыше, а об авторитетном “освящении” нижнего, то есть его собственной человеческой мудрости. Его слово поэтому не столько приобщает к духовной реальности Бога, сколько само созидает свою собственную человеческую реальность. Слово не столько постигается Духом, сколько само производит дух. Мы видим как бы filioque в мышлении. Filioque — не только триадологическая ересь, все “филе-Аквинское” богословское мышление Запада — “филиоквинское”. Следуя “филиоквинской логике”, слово постигается или своим порождением — “духом”, или своим родителем — умом. Эти два вывода определяют две главные тенденции духовного (точнее культурного и интеллектуального) развития Запада, и, главным образом, науки Нового Времени. В первом случае — стремление познать “слова” (логосы, законы) мира, исходя из него самого, во втором, — когда “слово” — Смысл λόγος = “слово” = “смысл”) познается только Причиной Смысла — философское отрицание постижения человеком Смысла бытия, а затем и Истины.

Запад совсем забыл ту простую истину, которую принесло миру христианство: Слово-Смысл-Логос-Истина открывает-Ся, то есть открывает Себя. Истину не просто ищут и находят, как грибы в лесу, ее находят открытой нам, дарующей себя нам. В Писании очень часто χάρις (благодать) и ἀλήθεια (истина) выступают как две стороны единого понятия. Так, Святой Евангелист Иоанн Богослов говорит: “Благодать (ἡ χάρις) и истина (ἡ ἀλήθεια) произошли через Ии-суса Христа” (Ин. 1, 17). Истина есть благой дар, благодать — “Истина, освобождающая нас”. Особым образом это касается и богословия, где открытие признается единственным источником право-славного ведения Бога. Будь то откровение Писания, вообще Церковного Предания или согласного с ними личного опыта Богообщения.

Хотя богословие является откровением Бога о Себе Самом, оно не остается просто одной речью Бога к человеку. Богословие — не монолог Бога. В Истинном Боге — Слове Иисусе

Христе, Бог и Человек встретились так близко, как никогда прежде. Бог стал ближе к человеку, чем человек сам к себе.²⁴ И как воплотившееся Слово, Бог признается нами высшим основанием и оправданием богословия, и в истинном бого-слове также происходит встреча человека с Богом, осуществляется их общение, берущее начало в нераздельном и неслиянном соединении Божественной и человеческой природ в Иисусе Христе. В истинном богослове находит свое место Новый Союз (Завет) Бога с человеком. Заключить Новый Завет с Богом со стороны человека значит принять Бога всем своим существом, и, более того, (что не возможно было в Завете Ветхом) — стать богом.

Человек, ставший богом, отвечает Богу, ставшему Человеком. Человек именно отвечает, он вступает в диалог с Богом. Богословие — не просто мо-

нолог Бога, и, тем более, оно невозможно как монолог человека. Оно способно быть только как общение, диалог с Богом. Всезнающий богослов, не имеющий правильного опыта богообщения и не умеющий, по выражению Святого Алостола Павла, *говорить о Боге пред Богом*, претендует получить докторский диплом не только в Сорбонне и Оксфорде, но и из рук самого “умного богослова” — дьявола. Безопытное, монологическое (эгоистическое) богословие — богословие сатанинское.²⁵ Злые духи тоже говорили о Боге, то есть были богословами. Они исповедовали Иисуса Сыном Божиим. Но их бого-словие не было Бого-общением. Почему и повелел им Иисус замолчать.

Бого-словие должно претвориться в Бого-общение, как молоко претворилось в благоуханное вино в известном видении Святителю Григорию Паламе.

По его признанию своему ученику Доротею, это видение означало переход от простого словесного учения о спасении к высшему дару Богословия.²⁶

Каждое слово о Боге, произнесенное обоженной человеческой личностью в процессе общения с Божественными Лицами, имеет бесконечную ценность. Священное Предание свидетельствует о том, что слово о Боге может являться даром не только от Бога человеку, но и от человека Богу. Григорий Богослов считал, что только слово он в состоянии принести в дар Слово. Святой Симеон Новый Богослов дерзает отождествлять свои уста с устами Христовыми.²⁷ Богословие как общение с Богом, как молитва превращается в Божественный Гимн.

*Иеромонах Паисий (Азовкин),
I курс МДА*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Именование Сына Божия Словом Божиим, как видно, имеет глубокие библейские корни. Святой Иоанн Богослов в своем Апокалипсисе яснейшим образом свидетельствует об этом даже в эсхатологическом контексте. *И увидел я отверстое небо, и вот, конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный... Имя Ему: Слово Божие.* (Откр. 19, 11,13)

² Добротолюбие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. Т. 5. С. 185.

³ Сравнение Божественных Лиц Троицы с умом, словом и духом прочно вошло в святоотеческое Предание. Преподобный Григорий Синаит писал: Ум Отец, слово Сын, Дух Святой дух, как учат примерно богоносные отцы, излагая догматическое учение о пресущной и преестественной Святой Троице. См. Добротолюбие. Т. 5. С. 186.

⁴ Особую таинственную связь слова и Слова некоторым образом приоткрывают следующие слова святого Григория Назианзина: Есть какое-то благоприличие в слове, тем более, что мы, кроме других наименований, чтим в Боге и Слово. См. *Святитель Григорий Богослов.* Собрание творений в 2-х томах. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. Т. 1. С. 388.

⁵ Φιλοκαλία τῶν νηπτικῶν καὶ ἀσκητικῶν. Θεσσαλονίκη, 1986. Т. 9. сел. 352.

⁶ О метафизическом смысле человеческой возможности слышать Слово Божие

глубоко рассуждает известный богослов Ганс Урс фон Бальтазар в своей книге: *Balthasar H. Prayer.* N.- Y., 1961.

⁷ Данное понятие, используемое в западном монашеском Уставе VI-го века *Regula Magistri*, указывает на центральное место сердца в духовном слышании Слова Божия. В нем собираются три главные силы души, благодаря чему оно становится trivium. (См. *La Regle du Maitre // Sources Chretiennes.* Paris, 1964. № 105. P. 290.)

⁸ Святитель Григорий Богослов. С. 393.

⁹ Там же. С. 386.

¹⁰ Там же.

¹¹ Αγ. Ισαακ τοῦ Σύρου. Λόγοι ἀσκητικοί. Θεσσαλονίκη, 1991. Т. 2. сел. 48.

¹² *Святитель Григорий Богослов.* С. 386.

¹³ Эта практика стала совершенно невозможной теперь, при массовом издании высочайшей созерцательной святоотеческой литературы, А ведь об этом вспоминал даже в XVIII-м веке преподобный Паисий Величковский, не желавший скорейшего опубликования своего перевода Добротолюбия.

¹⁴ *Frank Ch. St. Bernard of Clairvaux and the Eastern Christian Tradition // St. Vladimirs Theological Quarterly.* N.-Y., 1992. Vol. 3b. № 4. P. 324.

¹⁵ Φιλοκαλία. сел. 118.

¹⁶ Там же. сел. 120.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Добротолюбие. Т. 3. С. 11.

¹⁹ Φιλοκαλία. сел. 120.

²⁰ Там же. сел. 210.

²¹ Там же. сел. 208-210.

²² *Святитель Григорий Богослов.* С. 385.

²³ См., например, его труд *Sur Deus homo.*

²⁴ Буквально это высказывание принадлежит Мейстеру Экхарту, но в данном контексте оно приводится совершенно в ином осмыслении: Бог всегда близок к человеку. Человек же далек, прежде всего, от себя самого, и, поэтому, остается далеким и для Бога. Блудному сыну тяжелее всего было прийти в себя. А Отец уже издали завидел его и поспешил навстречу. (См.: *Архимандрит Иерофей (Влахос).* Одна ночь в пустыне Святой Горы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 54-55.)

²⁵ Так говорил, например, преподобный Максим Исповедник.

²⁶ Αγ. Φιλοθέος Κόκκινος. Λόγος Εὐκωμιαστικός. Θεσσαλονίκη, 1984. сел. 142 — 148.

²⁷ Μον. Θεόκλητος Διονυσιάτου. Ο Άγιος Γρηγόριος ο Παλαμάς. (Ο βίος καὶ ἡ θεολογία, 1296 — 1359). Θεσσαλονίκη, 1984. сел. 36 — 38.

²⁷ См. Божественные Гимны преподобного Симеона Нового Богослова.